

Политика перестройки и реформирование советского общества в 1985–1991 годах

Александр Барсенков

Распад СССР стал непредвиденным следствием преобразований второй половины 1980-х гг. Социологические опросы свидетельствуют, что в настоящее время 73% осуждают и лишь 14% граждан России одобряют это событие¹, которое воспринимается большинством как уничтожение не столько социального строя, сколько великого и могущественного государства. Публикации по истории перестройки также носили и носят «неравнодушный» характер. Для одних это – «прорыв к свободе», «лучшие годы»², другие связывают с ней такие понятия, как измена, глупость, предательство³. С начала 1990-х гг. «горбачёвский» период отечественной истории активно исследовали на Западе⁴. Заметный интерес вызвала, в частности, работа американского советолога С. Коэна, давшего положительный ответ на вопрос «Можно ли было реформировать советскую систему?»⁵.

В то же время перестройка стала своего рода введением в современную российскую историю, и её тщательное исследование необходимо для понимания нынешних отечественных реалий. Событийная сторона тех лет получила, конечно же, не исчерпывающее, но достаточно полное отражение в публикациях разного жанра. Однако создание научно корректной картины требует применения соответствующего методологического инструментария. Использование междисциплинарных подходов позволяет более объёмно моделировать противоречивые события 1980–1990-х гг. и открывает качественно новые возможности. Особенно плодотворным представляется синергетический подход, основанный на таких понятиях, как нелинейность, непредсказуемость, альтернативность развития⁶. Он привлекает новым взглядом на динамику неустойчивых ситуаций, требует учёта случайностей, малых воздействий, которые невозможно предугадать. Большим эвристическим потенциалом обладает также теория системной трансформации, суть которой заключается в признании того,

© 2014 г. А.С. Барсенков

¹ Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров. М., 2011. С. 42.

² *Адамшин А.Л.* Эти лучшие три года // Прорыв к свободе. О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ). М., 2005. С. 213.

³ *Островский А.В.* Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М., 2011.

⁴ *Dunhp J.* The Rise of Russia and the Fall of the Soviet Empire. Princeton, 1993; *White St.* After Gorbachev. Cambridge, 1993; *Sakwa R.* Gorbachev and his Reforms. N.Y.; L., 1990; *idem.* Russian politics and society. L.; N.Y., 1996; *Brown A.* The Gorbachev Factor. Oxford, 1996; *Hough J.* Democratization and revolution in the USSR, 1985–1991. Washington (D.C.), 1997; *Breslauer G.* Gorbachev and Yeltsin as Leaders. Cambridge, 2002.

⁵ *Коэн С.* Можно ли было реформировать советскую систему? М., 2005.

⁶ См.: *Кокوشин А.А.* О системном и ментальном подходах к мирополитическим исследованиям. М., 2008.

что трансформация – это коренная перестройка старой системы без определения её конечного результата⁷. Кроме того, для понимания социального уклада и проблем, возникавших при реформировании Советского Союза в конце XX в., важно учитывать различия между инновационным (экономико-центричным) и мобилизационным (политико-центричным) «типом развития общества»⁸. А объяснение процесса преобразования советского идеократического общества требует использования когнитивно-информационного подхода, при котором внимание исследователя концентрируется на динамике информационных, ценностных ориентиров основных участников исторического процесса, на выявлении мотивов выбора лидерами определённой стратегии действий и способов её реализации, на восприятии той или иной конкретной ситуации.

Все эти методы помогают проследить эволюцию факторов, определявших субъектность советского государства, т.е. способность власти формулировать соответствующие современности цели развития страны, умение мобилизовать ресурсы и добиваться выполнения поставленных задач. С этой точки зрения в рамках перестроечного периода выделяются четыре этапа: 1985–1986 гг. – поиск модели реформирования советского общества, разработка концепции его системного изменения; 1987 – середина 1990 г. – начало изменения системы политических, идеологических, экономических отношений, обернувшегося ослаблением субъектности государства; середина 1990 – август 1991 г. – фактическая утрата государственной субъектности в условиях хаотизации общественных процессов; конец августа – декабрь 1991 г. – угасание союзного государства, начало формирования новой, российской государственной субъектности. Для выявления тех факторов (событий, процессов), которые задавали вектор дальнейшего развития или оказывали доминирующее влияние на ситуацию, представляется продуктивным внутренний анализ каждого из этих этапов.

Масштаб преобразований, которые были объективно необходимы в СССР к началу 1980-х гг., и «исторические предпосылки перестройки» сравнительно недавно стали предметом специального анализа⁹. Исследователи констатируют, что желание перемен было сильным во всех социальных группах. Их важность понимали и управленцы высокого уровня. В то же время «диссиденты в системе», как называл их Е.М. Примаков, «не ставили своей целью разрушение существующего строя... Они стремились к его модернизации, приспособлению к реалиям современного мира... в сущности... к внедрению необходимых элементов рыночной экономики в советское плановое хозяйство. Но для этого нужно было изменить общественное сознание и подверженные догматизму представления правящей элиты»¹⁰.

Многолетняя «стабильность» системы общественных отношений в СССР была связана прежде всего с составом лиц, входивших в высшие органы управления: Политбюро и Секретариат ЦК КПСС. В начале 1980-х гг. в силу естественных причин из жизни ушли А.Н. Косыгин, М.А. Суслов, Л.И. Брежнев, Д.Ф. Устинов, А.Я. Пельше, Ю.В. Андропов, К.У. Черненко, принадлежавшие к поколению «молодых сталинистов». Они пришли в поли-

⁷ Язборовская И.С. Глобализация и опыт трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2008. С. 102.

⁸ Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. Изд. 2. М., 2007. С. 17.

⁹ Польшов М.Ф. Исторические предпосылки перестройки в СССР. Вторая половина 1940 – первая половина 1980-х гг. СПб., 2010.

¹⁰ Цит. по: Черкасов П.П. ИМЭМО. Портрет на фоне эпохи. М., 2004. С. 355.

тику в конце 1930-х гг. и на протяжении жизни сохраняли те взгляды на социализм и мировое развитие, которые утвердились в СССР в 1930 – начале 1950-х гг. Эти люди были внутренне не готовы к переосмыслению новых советских и зарубежных реалий, отказу от десятилетиями внедрявшихся догм. Таких же представлений, ставших обязательным условием карьеры, было вынуждено придерживаться и послесталинское «непуганое» поколение руководителей. Биография М.С. Горбачёва свидетельствует, что и он не был исключением. Тем не менее смена поколений элиты открывала возможность для проведения реформ.

К началу 1980-х гг. социализм советского типа как целостная система, созданная для решения задач мобилизационного развития, имел набор жёстко связанных между собой элементов¹¹, которые, с одной стороны, позволяли поддерживать общественную стабильность, а с другой – требовали трансформации. При этом вопрос о масштабах изменений, их последовательности и темпах имел значение для относительной безболезненности неизбежных перемен. Важнейшая черта социализма советского типа – наличие верховной власти, олицетворявшейся генеральным секретарём ЦК КПСС, который оказывал решающее влияние на формирование внутри- и внешнеполитического курса. Вторая по значимости черта – господство моноидеологии, включавшей обязательные представления о прошлом и настоящем страны, логике мировой истории. Её базовые положения в концентрированном виде содержались в Программе КПСС, являвшейся в СССР по существу документом конституционного значения. Третий элемент советского социализма – система «партия-государство», где ключевым было первое звено. С конца 1930-х гг. исполнительная вертикаль власти с жёсткой иерархией и дисциплиной на основе единых принципов пронизывала все уровни управления. Следующая черта советской системы – планово-директивная экономика, тесно связанная с работой партийных органов. К началу 1980-х гг. управление хозяйственной жизнью во многом определялось режимом административного торга за доступ к ресурсам (материальным, финансовым, организационным), эффективность использования которых не являлась критерием оценки деятельности предприятий и ведомств. И пятая, не менее важная, особенность – связка «партия-федерация-этничность», получившая отражение в национально-государственном устройстве. СССР являлся асимметричной федерацией с элементами конфедерации, в субъектах которой народы имели разный статус и как следствие – различные возможности. Существовавшие дисбалансы устранялись благодаря наличию КПСС, построенной на унитарной, а не федеративной (и тем более конфедеративной) основе.

При обсуждении наличия у инициаторов перестройки плана или программы преобразований часто высказываются весьма резкие суждения. Так, Г.Х. Попов писал, что реформы «не были подготовлены в плане идейно-теоретическом и организационно-прикладном», а «концепция перестройки и практика во многом является чистой импровизацией»¹². Между тем, судя по мемуарной литературе, в конце 1960-х – начале 1970-х гг. в стране существовали научные центры, где в разных формах утверждалось «экономическое диссидентство». Среди них выделялись Институт экономики, Центральный экономико-математический институт и Институт экономики мировой социалистической системы

¹¹ Подробнее см.: Барсенков А.С. Сталинский социализм в отечественной истории XX века // Политический класс. 2009. № 12. С. 12–17.

¹² Попов Г.Х. Будет ли у России второе тысячелетие? М., 1998. С. 168.

АН СССР, а также Всесоюзный научно-исследовательский институт системных исследований Государственного комитета по науке и технике и АН СССР. Появившиеся здесь исследования давали далёкую от парадной картину советской экономики и содержали, пусть и осторожные, предложения по изменению очевидно неэффективного хозяйственного механизма. Однако главная проблема была связана с продвижением этих разработок «наверх». Подготовленные академическими специалистами справки, аналитические записки и доклады попадали в ЦК, где с ними работали помощники секретарей ЦК и руководство соответствующих отделов. В своём подавляющем большинстве это были высококвалифицированные люди, руководствовавшиеся аппаратным чутьём и пониманием того, что можно «подать» тому или иному руководителю. Сами партийные лидеры в информационном плане зависели от аппарата. Кроме того, отношения даже внутри высших партийных органов (Политбюро, Секретариат) не были простыми. Опасения за своё положение в случае уличения в идеологической крамоле не являлись надуманными, вследствие чего приходившие из академической, неаппаратной среды материалы либо выхолащивались, либо отторгались. В этом плане показательны печальные судьбы докладов В.А. Кириллина, Д.М. Гвишиани, С.С. Шаталина, за которыми стояли большие группы разработчиков. Некоторые материалы просто не решались представить их заказчику – Политбюро. Ситуация стала меняться, лишь когда Ю.В. Андропов, став генеральным секретарём, попросил представить лично ему доклад о состоянии экономики «без цензуры»¹³.

Возникший разрыв между экспертно-профессиональным уровнем осмысления экономических проблем и доступом к этой информации (а также готовностью её воспринять) лиц, принимающих решения, составлял главное противоречие начального этапа преобразований. В результате воля носителей верховной власти вывести СССР из стагнации не подкреплялась адекватными представлениями о том, как это может быть осуществлено на деле. Разрыв этот стал преодолеваться не ранее 1989 г., когда очевидный для всех социально-экономический кризис уже диктовал необходимость демонтажа планово-директивной системы управления. Показательно, что М.С. Горбачёв провёл первую встречу с ведущими экономистами лишь в октябре 1989 г.¹⁴ Именно тогда в его «команде» произошло осознание того, насколько радикальными должны быть изменения в экономической политике. А в 1985 г. избрание молодого, энергичного лидера отражало стремление как общества в целом, так и политической элиты к переменам. Горбачёва и его единомышленников объединяло желание разгрести «завалы», преодолеть стагнацию, придать большой динамизм существующей системе хозяйствования. В 1985–1986 гг. политика определялась идеей ускорения социально-экономического развития СССР. Осуществить его предполагалось через перегруппировку и концентрацию сил и средств на выделенных направлениях. При этом в действиях того времени отчётливо просматриваются андроповские «заделы»¹⁵.

Содержание нового курса было обнародовано в 1985 г. на апрельском пленуме ЦК КПСС. Генеральный секретарь говорил о необходимости повышения темпов социально-экономического развития, на первый план выдвигались за-

¹³ Шаталин С.С. Жизнь, не похожая ни на чью. М., 2004. С. 57, 60, 64, 70, 74.

¹⁴ Там же. С. 82.

¹⁵ Барсенков А.С. Введение в современную российскую историю. 1985–1991. М., 2002. С. 44–49.

дачи интенсификации производства, где центральное место отводилось машиностроению. Для этого предлагалось решительно поднимать ответственность кадров, усилить организованность и укрепить дисциплину. Декларировалось намерение ликвидировать ведомственные барьеры. Горбачёв рассуждал о «перестройке» стиля и «гласности» работы в партийных и государственных учреждениях. С большим одобрением были восприняты слова о недопустимости застоя в движении кадров, о назревшей потребности выдвигать молодых, инициативных работников, о роли «человеческого фактора».

Вскоре стали ощущаться первые позитивные перемены в общественно-политической атмосфере, во многом связанные с личностными качествами нового лидера, а также стремительной «кадровой революцией», в ходе которой шло избавление от престарелой когорты партийных и государственных деятелей. К началу 1987 г. было заменено 70% членов Политбюро, 60% секретарей областных партийных организаций, 40% членов ЦК КПСС, ставших ими при Брежневе. Изменения шли сверху вниз. В 1986–1988 гг. сменилось 70% руководителей горкомов и райкомов. Ещё более высокими темпами обновлялся состав хозяйственных управленцев. Из 115 членов Совета министров СССР, назначенных до 1985 г., в первый год пребывания Горбачёва у власти сменилась треть, в 1988 г. их осталось 22, а в 1989 – 10¹⁶. Благоприятно сказывалось и то, что люди стали больше узнавать о замалчивавшихся ранее страницах прошлого, а также о современных трудностях и жизни за рубежом.

В 1985–1986 гг. экономические проблемы пытались решать с помощью испытанных ранее рычагов¹⁷. Наиболее показательной для понимания философии первого этапа преобразований стала антиалкогольная кампания – первое крупное комплексное мероприятие новых лидеров, последовательно осуществлявшееся в 1985–1988 гг. Борьба против пьянства свидетельствовала о их серьёзном намерении взяться за решение сложнейшей задачи. В целом она была встречена доброжелательно, хотя многие ставили под сомнение возможность её успеха. Опасения некоторых членов руководства, предвидевших очевидно негативные бюджетные последствия, были проигнорированы – им рекомендовалось шире смотреть на вещи.

Кампания велась жёсткими административными методами. Тревожная информация о «перегибах» по разным каналам поступала «наверх», но там не считали необходимым корректировать курс. «Уж очень велико было наше стремление побороть эту страшную беду», – писал позже Горбачёв¹⁸. Стремление «быстрее побороть беды» оказалось характерно для подавляющего большинства решений, принятых в сферах экономической и социальной политики в 1985–1986 гг. В частности, благими намерениями руководствовались и инициаторы кампании по «борьбе с нетрудовыми доходами», развернувшейся летом 1986 г. и принявшей дикую форму¹⁹.

В 1985–1986 гг. власть демонстрировала готовность к проведению активной социальной политики. Многим категориям граждан повышались пенсии,

¹⁶ Там же. С. 69.

¹⁷ Подробнее см.: Ясин Е.Г. Российская экономика: истоки и панорама рыночных реформ. М., 2002; Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006; Яник А.А. История современной России: Истоки и уроки последней российской модернизации. М., 2012.

¹⁸ Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. В 2 кн. Кн. 1. М., 1995. С. 331.

¹⁹ Шмелёв Н.П. Авансы и долги // В поисках здравого смысла. Двадцать лет российских экономических реформ. М., 2006. С. 13, 31.

пособия, заработная плата. Намечалось радикальное изменение масштабов строительства школ, детских садов, больниц и поликлиник. Поощрялось развитие садоводства и огородничества. Комплексная программа производства товаров широкого потребления и услуг на 1986–2000 гг. обещала прорыв на этом направлении. И, пожалуй, наиболее грандиозной стала программа «Жильё – 2000», согласно которой к 2000 г. каждая семья должна была жить в отдельной квартире или в собственном доме. Всё это породило «революцию ожиданий», вызвав надежды на быстрое решение накопившихся проблем. И первоначально казалось, что для этого достаточно политической воли нового руководства. Однако большую часть обещаний выполнить не удалось, и позднее, в 1990-е гг., инициаторы реформ признали ошибкой начало преобразования экономики с тяжёлой индустрии. Возможно, концентрация внимания на сельском хозяйстве и лёгкой промышленности позволила бы сохранить социальную стабильность и обеспечить устойчивую общественную поддержку намеченным переменам.

Курс на ускорение социально-экономического развития стал важным этапом в осмыслении ситуации, сложившейся в стране к весне 1985 г. Лишь через год Горбачёв (при участии своего окружения) сформировал собственную концепцию реформ. В мае–июле 1986 г. термин «ускорение» постепенно вытеснялся понятием «перестройка», которая, по словам генерального секретаря, должна была охватить не только экономику, но и социальные отношения, политическую систему, духовно-идеологическую сферу, стиль и методы работы партийного и государственного аппарата. Горбачёв ставил знак равенства между перестройкой и революцией, отмечая, что «перестройка – не разовый, одномоментный акт, а процесс, который будет протекать в рамках определённого исторического периода»²⁰.

Летом 1986 г. Горбачёв заговорил о противодействии переменам со стороны бюрократии, заинтересованной в сохранении отживших порядков и привилегий. Лидер партии противопоставлял ей «новаторов», «активных, неугомонных, беспокойных», которые разрушают сложившийся стереотип работы руководящих кадров. В своих выступлениях он всё чаще обращался к интеллигенции и молодёжи. Перестройка представлялась ему революцией, начатой «просвещённым» руководством «сверху» и проводимой при активной поддержке «снизу». В основе подобных расчётов лежала надежда на способность раскрепощённого общества к быстрой самоорганизации.

Между тем с середины 1986 г. Горбачёв не раз повторял, что перемены идут недостаточно быстро из-за пассивности подавляющей массы населения и приверженности руководителей разного уровня к директивным формам управления. В связи с этим «демократизация» стала рассматриваться не только как одна из целей реформ, но и как обязательная их предпосылка. «Важнейший участок перестройки – демократизация, – говорил Горбачёв на одном из заседаний Политбюро летом 1986 г. – Права даём реальные. А кто будет реализовывать? Есть люди, способные и храбрые, чтобы использовать права? Отучили ведь их от пользования демократией»²¹. «Поэтому, – развивал он ту же мысль в сентябре, – мы должны включить людей в процесс перестройки через демократизацию общества»²².

²⁰ Горбачёв М.С. Избранные речи и статьи. Т. 4. М., 1987. С. 37, 88.

²¹ Там же. С. 97.

²² Черняев А.С. Шесть лет с Горбачёвым. М., 1993. С. 91.

В середине 1986 г. оформилась концепция «гласности», которой, по замыслу инициаторов перестройки, предстояло стать главным рычагом демократизации. Значительное расширение информированности общества, повышение уровня критичности обсуждения злободневных тем, востребованность ранее не задействованного интеллектуального потенциала – всё это должно было способствовать преодолению идеологического догматизма и ломке прежних стереотипов поведения, ускоряя перестроечные процессы во всех сферах. Тем самым предполагалось, что гласность и интеллектуальное раскрепощение будут предшествовать преобразованиям, обогащая теорию и практику перестройки анализом зарубежного и отечественного опыта. К борьбе с консерватизмом активно привлекалась пресса. Выступая в 1986 г. перед сотрудниками СМИ, Горбачёв говорил: «Многие из наших консервативных проявлений, ошибок и просчётов, вызывающих застой мысли и действия и в партии, и в государстве, связаны с отсутствием оппозиции, альтернативы мнений, оценок. И здесь, на нынешнем этапе развития общества, такой своеобразной оппозицией могла бы стать наша пресса»²³. При этом «политика гласности» не означала введения свободы слова, будучи изначально «дирижируемой»: содержание информационных кампаний определялось на инструктажах руководителей СМИ, которые регулярно проводились в идеологических подразделениях ЦК КПСС.

Во второй половине 1986 г. в СССР сложились два представления о пути дальнейшего реформирования общества. Часть высокопоставленных управленцев считала необходимым сосредоточить все силы на экономике и видела суть преобразований в коренном изменении управления народным хозяйством и мотивации труда. Так, при системе планового централизованного управления экономикой предполагалось сократить сферу государственного регулирования и сделать приоритетными не материально-вещественные, а стоимостные критерии. Добиться этого рассчитывали с помощью комплекса разноплановых мер, среди которых особое место отводилось реформе ценообразования. В итоге всё это привело бы и к легализации частной собственности, хотя ожидалось, что частный сектор станет лишь дополнением государственного. Принципиальная особенность данного подхода заключалась в стремлении проводить кардинальные экономические реформы при неизбылемости политического строя, обеспечивающего стабильность и порядок в неизбежно болезненный период массовой социальной адаптации к новым условиям²⁴.

Однако Горбачёв и его окружение придерживались другой позиции, придя к убеждению, что источником всех бед является неэффективность государственно-политического устройства СССР. Для его изменения следовало реформировать КПСС, уменьшив её «глобальную» роль, организовать полноценные выборы в Советы, повысить ответственность и зависимость депутатов от избирателей, утвердить независимость судебной власти, ввести всестороннюю гласность, установить формы осуществления права на демонстрации, свободу слова, совести, печати, собраний и перемещений²⁵. Все эти меры предстояло обсудить на специальном Пленуме ЦК КПСС, интенсивная подготовка к которому шла осенью и зимой 1986 г. Проблемы экономической реформы были отодвинуты на второй план.

²³ Цит. по: *Ненашев Н.Ф.* Заложник времени. М., 1993. С. 351.

²⁴ *Павлов В.С.* Упущен ли шанс? Финансовый ключ к рынку. М., 1995. С. 35–57.

²⁵ Александр Яковлев. Перестройка: 1985–1991. Незданное, малоизвестное, забытое. М., 2005. С. 28–38.

Конец 1986 г. стал важным рубежом в истории преобразований 1985–1991 гг. К этому времени постепенно наметились экономические трудности, вызванные как неблагоприятным стечением обстоятельств (падение цен на нефть, затраты на ликвидацию последствий Чернобыльской катастрофы), так и просчётами собственно горбачёвского курса (увеличение ассигнований на машиностроение при сокращении закупок товаров широкого потребления за рубежом, масштабные социальные акции, антиалкогольная кампания). Возникшая бюджетная дестабилизация предшествовала значительному ухудшению положения в народном хозяйстве СССР. Однако значение данного обстоятельства не было своевременно осознано. Прогрессирующее ухудшение параметров экономического развития и обострение ситуации в социальной сфере становились фоном, на котором разворачивались основные политические и идейные баталии последующих лет, стремительно сокращая огромный кредит доверия, полученный Горбачёвым в 1985 г. Позднее он признал, что именно с 1987 г. начался самый драматичный период перестройки²⁶.

Новый курс преобразований был провозглашён в 1987 г. на январском пленуме ЦК КПСС. Революционность его решений состояла в том, что в политику возвращалась состязательность: фактически отменялся номенклатурный принцип подбора кадров, выборы становились альтернативными, при выдвижении на партийные, советские, профсоюзные и иные должности предусматривалась конкуренция кандидатов со своими программами. А политическая конкуренция не могла не сопровождаться элементами популизма, который в случае неудачных действий власти способен стать серьёзным деструктивным фактором. И это в полной мере проявилось в 1989–1991 гг. Решения же январского пленума стимулировали пробуждение социальной активности и способствовали возникновению «неформальных» движений: во многих городах появились дискуссионные клубы, самодельные объединения и группы, которые удовлетворяли потребности, прежде всего рядовой интеллигенции и молодёжи, в свободном общении и полезной общественной деятельности.

Политика гласности вызвала распространение «альтернативной», неофициальной прессы. И хотя её тиражи были невелики, именно в ней острые проблемы обсуждались в наиболее откровенной и резкой форме. Эти издания сыграли важную роль в организационной консолидации «неформалов». А уже в конце 1988 г. началось их политическое размежевание: наряду со сторонниками совершенствования социализма всё громче заявляли о себе те, кто предпочитал либеральные ценности, активизировались и группы откровенно антикоммунистической направленности. Более того, звучавшие призывы к насильственному свержению существующего строя к этому времени уже не получали действенного отпора от правоохранительных органов.

После пленума оформилось то понимание гласности, с которым связывают политику Горбачёва. Не случайно А.Н. Яковлев писал позднее о «выдвижении концепции гласности», справедливо отметив, что она революционизировала и политизировала общество, резко расширяя доступ к информации и возможности её анализа – без запретных тем и ограничений на любые вопросы и варианты ответов. Особенно любопытна его оговорка о том, что «поворот к гласности, строго говоря, не был неизбежен в те годы», поскольку «он был продиктован не столько сиюминутной необходимостью, сколько философией

²⁶ Горбачёв М.С. Наедине с собой. М., 2012. С. 486.

перестройки, её инициаторов»²⁷. Общество же, по мнению Яковлева, поддержало бы тогда и тот или иной достаточно спокойный вариант административного «совершенствования развитого социализма», изживания партийно-идеологического и укрепления технократического подхода к решению жизненных проблем.

Формулируя задачи гласности, Горбачёв говорил, что «забытых имён, белых пятен ни в истории, ни в литературе не должно быть». «Давайте всё расставим по своим местам», призывал он²⁸. Вначале, правда, речь шла о сбалансированном освещении прошлого: «О делах тяжёлых партия сказала. И мы не собираемся изображать их сегодня в розовом свете. Но и здесь вступает в силу непреложный, социалистический закон правды. Было и то, и другое, и радостное, и горькое»²⁹. Впрочем, уже в конце 1987 г. был взят курс на радикализацию гласности и началась кампания по «десталинизации». С понятием «сталинизм» стало ассоциироваться всё происходившее в стране в 1920 – середине 1950-х гг. Критика советской истории в СМИ приобрела откровенно деструктивный и «обвальный» характер. Ставя под сомнение социалистичность построенного в СССР общества и лишая позитивного смысла всё его послеоктябрьское развитие, она порождала ощущение глубокого дискомфорта у значительных групп населения, привыкших за долгие годы слышать лишь о достоинствах существующей системы и не готовых к стремительной и полярной смене оценок.

Идеи демократизации государственного устройства воплотились в проекте конституционной реформы, принципы которой были изложены в июне 1988 г. на XIX партийной конференции. Реформа разграничивала функции партии и государства: КПСС отказывалась от осуществления оперативного управления, а для усиления влияния граждан на принятие решений создавались два новых института – Съезд народных депутатов и действующий на постоянной основе парламент (Верховный совет). При этом была предпринята попытка обеспечить плавный переход от старого устройства к новому³⁰.

После конференции, в сентябре, состоялась крупнейшая за многие годы реорганизация аппарата ЦК КПСС. Вместо более 20 «отраслевых» отделов были образованы 6 комиссий, соответствовавшие основным направлениям партийной работы в новых условиях. Значительно сократилась общая численность сотрудников аппарата, что подтверждало стремление оставить за партией лишь политическую роль. Установленная в Москве модель служила образцом для нижестоящих партийных комитетов. На практике это приводило к «перетеканию» их кадров в советские структуры, которые, однако, оказались не готовы быстро принять на себя функции оперативного управления. Разрушалась та самая «исполнительная вертикаль» власти, прочность которой особенно важна в периоды социальной нестабильности.

Концепция экономической реформы была сформулирована Горбачёвым и его «командой» на пленуме ЦК КПСС в июне 1987 г., результатом которого явилось принятие закона «О государственном предприятии (объединении)» и «пакета» конкретизирующих его 10 совместных постановлений ЦК и Совмина. В них обобщалось всё «лучшее», что усматривалось в предшествовавшей

²⁷ Яковлев А.Н. Горькая чаша. Ярославль, 1994. С. 215.

²⁸ Горбачёв М.С. Избранные статьи и речи. Т. 4. С. 372.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Т. 6. М., 1989. С. 363.

практике хозяйствования и было апробировано в порядке эксперимента. Предприятиям предоставлялась невиданная ранее свобода, что стало вершиной предшествующего этапа экономического вольномыслия. Однако результаты действия закона не оправдали возлагавшихся на него ожиданий.

Столь же неоднозначными оказались и последствия кооперативной политики. Изданный в мае 1988 г. закон «О кооперации в СССР» был направлен на возрождение предпринимательства. За счёт поощрения стремительного роста кооперативного движения государство пыталось улучшить положение в социальной сфере. Вместе с тем возникновение независимых субъектов хозяйственной деятельности не сопровождалось созданием рынка средств производства и сырья. В итоге кооперативы стали возникать при государственных предприятиях и паразитировать на их ресурсах. В то же время закон способствовал легализации «теневиков», создавал условия для «отмывания» криминальных денег и появления рэкета, увеличивал социальные диспропорции³¹.

Именно реализация закона о государственном предприятии и попытка использовать потенциал кооператоров были наиболее значимыми направлениями реформирования экономики в 1987–1988 гг. Наложившись на проинфляционные меры предшествующих лет, эти шаги значительно усугубили ситуацию. С начала 1988 г. на потребительском рынке возник ажиотажный спрос, а к осени его развал в результате финансовых диспропорций стал реальностью. Одна из главных причин хозяйственных неудач в СССР заключалась в характерной для мышления высшей партийной и хозяйственной элиты в 1985–1988 гг. недооценке финансовых рычагов регулирования экономики. По мнению специалистов, ценовая и денежная реформы должны были если не предшествовать, то, по крайней мере, сопутствовать «прорыночным» преобразованиям, не отставая от них. В СССР же ситуация развивалась иначе. Принципиальное решение о реформе ценообразования, принятое в 1987 г. на июньском пленуме ЦК, следовало осуществлять с января 1988 г. Всю вторую половину 1987 г. Госкомцен «гнал» подготовку необходимых расчётов и к намеченному сроку определил её параметры. Но в силу существования стереотипов, мощное давление которых испытывали как рядовые граждане, так и руководство страны, реформу решили «отложить»³².

Экономисты справедливо видели в «разрушительном страхе» причину бездействия. Этим объясняется то, что, несмотря на признание справедливости аргументов в пользу изменения системы цен и неоднократное одобрение соответствующих мер, в том числе и на заседаниях Политбюро, важнейшая рыночная реформа так и не была запущена ни в 1988 г., ни позже³³. О ней открыто заговорили лишь в 1989 г. под давлением кризиса, и она сразу же оказалась в центре политической борьбы, став объектом популистских спекуляций. Но пока горбачёвское руководство, призывая к проведению рыночных реформ, само оттягивало их начало, кризисная ситуация в социально-экономической сфере становилась всё менее управляемой, сужая возможности относительно плавного перехода к новым отношениям и создавая питательную почву для радикализма. С 1989 г. негативные тенденции в экономике СССР приобрели

³¹ Яник А.А. Указ. соч. С. 125–126.

³² Павлов В.С. Верю в Россию. М., 2005. С. 115.

³³ «Сейчас бы я этого не допустил», – писал Горбачёв в 2012 г. (Горбачёв М.С. Наедине с собой. С. 485).

необратимый характер, и, как отмечал А.А. Собчак, в начале 1990 г. страна оказалась перед «устрашающей экономической пропастью»³⁴.

События 1985–1988 гг. «развязали» ряд важных процессов, которые в 1989–1990 гг. зажили своей жизнью, разрушая общественную ткань и осложняя проведение любых преобразований. Есть все основания считать 1989 г. переломным в истории перестройки. Кризис в экономике привёл к повсеместному обострению социальных проблем. В марте в Донбассе возродилось забастовочное движение, его география и масштабы быстро росли, а к экономическим требованиям добавлялись политические. В союзных республиках перемены окрашивались в этнические краски, происходила эскалация вооружённых столкновений. Углубление критики советского периода истории подводило к отрицанию ценности социализма как общественной системы и делало всё более привлекательной либерально-демократическую альтернативу в её радикальном варианте. Шло организационное оформление оппозиции, нацеленной на жёсткую борьбу за власть.

Начало работы I Съезда народных депутатов СССР (май–июнь 1989 г.) означало вступление конституционной реформы в практическую фазу. На съезде развернулась острая полемика по самому широкому кругу вопросов, однако в центре внимания депутатов было состояние экономики. Сформулированный в докладе председателя Совета министров Н.И. Рыжкова план действий выглядел неубедительно, а его стремление к поэтапности и постепенности не соответствовало остроте ситуации. Поэтому для подготовки комплексной программы перехода к рынку и её реализации в состав правительства был включён ряд крупных экономистов и «прогрессивных бюрократов» – управленцев, осознававших реальную глубину и тяжесть накопившихся проблем и готовых к их профессионально-деидеологизированному решению (В.С. Павлов, С.А. Ситарян, В.Н. Щербаков и др.)³⁵. Однако их работа существенно осложнялась необходимостью оглядываться на Верховный Совет СССР, где были сильны популистские тенденции, и тратить немало сил и средств на «тушение» социальных конфликтов. Кроме того, уже стало ясно, что население абсолютно не готово к крупным издержкам, неизбежным при переходе к рынку, и это угрожает масштабным взрывом³⁶.

В 1989–1990 гг. стремительно менялась идеологическая ситуация. Характеризуя её, академик Г.Л. Смирнов отмечал, что ключевые «этапы нашей истории – 20–30-е годы, Великая Отечественная война, послевоенный период и перестройка – преподносятся таким образом, чтобы не оставить у читателя никаких положительных представлений об осуществлённых преобразованиях, конструктивно-созидательной деятельности народа, роста экономики, страны и культуры народа»: «Репрессии, преступления, ошибки, просчёты составляют при этом не только драматические, трагические стороны исторического процесса, а исключительное и исчерпывающее содержание нашего развития и деятельности партии. Очевидно, цель поставлена такая – не оставить никакого следа в сознании людей, в памяти потомков, доказать крах дела партии, её идеологии и политики, обосновать необходимость отстране-

³⁴ Собчак А.А. От съезда к съезду: становление новой политической системы // Через тернии. М., 1990. С. 479.

³⁵ История экономики СССР и России в конце XX века (1985–1999) / Под общ. ред. А.А. Клишаса. М., 2011. С. 55.

³⁶ Яник А.А. Указ. соч. С. 141–144.

ния партии от руководства обществом»³⁷. В это время в массовых изданиях можно было прочесть, что в СССР построен «казарменный псевдосоциализм, тоталитаризм». В них предлагалось «полностью и без остатка» избавиться от «авторитарно-бюрократической социальной и политической системы», утверждалось, что в СССР реализована «тупиковая линия эволюции». Их авторы писали об «органических пороках системы социализма», о том, что сейчас «терпит крах... коммунистическая версия социализма», большевики навязали России «маргинальный путь», но Октябрь потерпел поражение, «оставив только иллюзию социалистического облика нашего общества». Они указывали на трагедию России, «где в результате революции были с корнем вырваны слабые ростки и без того уродливого русского капитализма, уничтожены культурные традиции... а взамен было предложено восстановление до невиданных размеров “азиатского” имперско-деспотического прошлого, впрочем, несколько приукрашенного (усиленного!) элементами двадцатого века». При этом «марксизм и ленинизм предоставили в распоряжение. Сталина всё то, чем он пользовался»³⁸.

Избавление от прошлого воспринималось как движение к демократическому, гуманному обществу, к «мировой цивилизации». Воплотить эти намерения в жизнь предполагалось через осуществление новой «анти тоталитарной», «анти казарменной» революции³⁹. При этом будущее представлялось оптимистичным, хотя и неопределённым. Уверенность в том, что «так жить нельзя», утвердилась прочно, а быстрый переход к новому «светлому будущему» – «демократии и рынку» – воспринимался как панацея от всех бед⁴⁰. В результате начатая как «десталинизация» гласность неизбежно вела к делегитимизации власти партии, Горбачёва как её лидера и СССР в целом. Некоторые авторы считают, что именно избранный вариант гласности привёл не к трансформации, а к уничтожению советского социализма и разрушению государства⁴¹.

Нельзя не учитывать и то, что успех внутренних преобразований в СССР во второй половине 1980-х гг. в огромной мере зависел от характера отношений с внешним миром. Выстраивая их, новый лидер основное внимание уделял сокращению вооружений и необходимости «сорвать следующий этап гонки вооружений». «Если мы этого не сделаем, – говорил он, – опасность для нас будет возрастать. А не уступив по конкретным вопросам, пусть очень важным, мы потеряем главное. Мы будем втянуты в непосильную гонку вооружений, и мы её проиграем, ибо мы на пределе возможностей»⁴².

Для решения этой задачи в 1986–1988 гг. были радикально пересмотрены концептуальные основы международной деятельности. В центр «нового мышления» ставилась идея единого взаимозависимого мира⁴³, в котором, в ядерный век, стоящие перед человечеством глобальные вызовы и угрозы важнее и опаснее противоречий между государствами различных социальных систем,

³⁷ Вопросы истории. 1990. № 1. С. 13–14.

³⁸ Через тернии. С. 22–23, 35, 217, 222, 227, 263, 269, 398, 730.

³⁹ *Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я.* Стратегия и тактика перестройки. М., 1990. С. 62–95.

⁴⁰ Подробнее о настроениях и идейных исканиях тех лет см.: *Лукин А.В.* Невежество против несправедливости. Политическая культура российских «демократов». М., 2005.

⁴¹ *Мирский Г.* Гласность погубила Советский Союз // Независимая газета. 1998. 30 января.

⁴² В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Чернышева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991). М., 2006. С. 83.

⁴³ *Горбачёв М.С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987. С. 141.

а общечеловеческие ценности более значимы, чем классовые. Соответственно международные отношения предлагалось рассматривать как сферу сотрудничества, а не борьбы. СССР это позволяло приступить к налаживанию конструктивных отношений с США и другими западными странами. Чтобы преодолеть накопившееся недоверие, Горбачёв был готов идти на серьёзные односторонние шаги, рассчитывая на ответные инициативы зарубежных партнеров. С лета 1986 г. перед МИД была поставлена задача проведения более гибкой линии⁴⁴, что потребовало кадровых перемен, названных современниками второй по масштабам «чисткой МИД после сталинских репрессий». К маю 1987 г. свои посты оставили 7 из 9 заместителей министра, 7 из 10 послов по особым поручениям, 8 из 16 заведующих территориальными отделами, 68 из 115 послов⁴⁵. Начались серьёзные подвижки на переговорах. Политика уступок допускала отход от «пакетного» принципа соглашений, при котором количественное ограничение различных видов вооружений проходило во взаимовязке, а также сокращение в одностороннем порядке отдельных групп вооружений и асимметричное уменьшение арсенала некоторых типов оружия. Выражалась готовность к проведению инспекций на местах. Обсуждение проблем обеспечения безопасности рассматривалось в контексте соблюдения прав человека в странах Варшавского договора и СССР. Кремль отказывался не только от участия в конфликтах в различных регионах «третьего мира», но и от вмешательства во внутренние дела социалистических государств Центральной и Восточной Европы в случае начала там «неудобных» для Советского Союза перемен. Пролетарский интернационализм уже не стеснял свободу их выбора. В законченном виде идеи «нового мышления» были изложены 7 декабря 1988 г. в выступлении Горбачёва с трибуны ООН. По замыслу, оно должно было превзойти речь У. Черчилля 5 марта 1946 г., став своеобразным «анти-Фултоном» – символом окончания холодной войны⁴⁶. Однако к 1989 г. советские уступки воспринимались на Западе как вынужденное отступление экономически подорванного соперника.

Реализация принципов «нового мышления» в 1989–1990 гг. сопровождалась событиями, вызвавшими большие изменения в мировой политике с неоднозначными последствиями для СССР. В 1989 г. начался частичный вывод советских войск из Центральной и Восточной Европы, что привело к стремительному развалу «социалистического содружества». К концу 1989 г. в Восточной Европе повсеместно произошли мирные (за исключением Румынии), «бархатные» революции. В регионе формировались новые режимы, исключавшие ведущую роль коммунистической партии, декларировавшие политический плюрализм и многопартийность, нацеленные на проведение радикальных рыночных реформ и активно переориентировавшие внешнюю политику на Запад. Лавинообразные процессы, происходившие в Восточной Европе, резко подтолкнули объединение Германии, непредвиденные последствия которого были для СССР особенно болезненны⁴⁷.

Отношение советского руководства к изменениям в Европе в 1989 г. стало для Запада проверкой искренности заявлений Москвы о приверженности прин-

⁴⁴ Горбачёв М.С. Годы трудных решений. М., 1993. С. 54.

⁴⁵ Гриневский О.А. Перелом. От Брежнева к Горбачёву. М., 2004. С. 349–350.

⁴⁶ Черняев А.С. Совместный исход. М., 2008. С. 120.

⁴⁷ См. подробнее: Барсенков А.С. Новое мышление во внешней политике СССР. (1985–1991) // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 4.

ципам «нового политического мышления». В то же время академик О.Т. Богомолов назвал эти события «прологом грядущих перемен в СССР»⁴⁸, а философ А.С. Ципко даже полагал, что Восточная Европа была «главным субъектом нашей антикоммунистической революции»⁴⁹. Демократическая и националистическая оппозиция в СССР получила возможность наглядно убедиться в том, что официальная власть едва ли пойдёт на применение силы, независимо от того, насколько радикальными будут действия её противников.

Экономическая деградация СССР снижала возможности проведения эффективного и независимого курса. С конца 1989 г. переговоры по важнейшим международным проблемам сопровождались обсуждением трудностей, переживаемых Советским Союзом, правительство которого с мая 1990 г. стало напрямую обращаться к лидерам Запада и Востока с просьбой предоставить экономическую и финансовую помощь. К этому времени, ввиду повышенных рисков, представители крупнейших зарубежных банков не решались участвовать в дальнейшем кредитовании СССР без гарантии своих государств. Так появились «политические кредиты», предоставление которых сопровождалось выдвиганием «пожеланий» в отношении не только внешней, но и внутренней политики. Всего в 1990–1991 гг. СССР обратился с просьбой о помощи к 12 странам, не считая международных организаций⁵⁰. Возможности влияния на внутреннюю жизнь СССР расширялись и в связи с тем, что с середины 1990 г. во все советские программы перехода к рынку были заложены расчёты на получение массивной зарубежной поддержки⁵¹. В 1991 г. часть элиты надеялась на то, что в благодарность за избавление от коммунистической угрозы Запад пойдёт на нечто подобное «плану Маршалла» для СССР.

В октябре 1990 г. М.С. Горбачёву была присуждена Нобелевская премия мира, а в ноябре главы государств и правительств 34 стран – участниц Совещания по безопасности и сотрудничеству подписали Парижскую хартию для новой Европы, констатируя окончание Холодной войны. Однако в СССР эти события воспринимались неоднозначно. Запад награждал лидера, результаты деятельности которого внутри страны мало кто считал удовлетворительными, чью дипломатию расценивали как «бегство из Европы» и сдачу позиций, за которые в годы Второй мировой войны была заплачена гигантская цена⁵². Уже очевидная к тому времени эрозия ОВД и СЭВ при сохранении и укреплении НАТО создавала ощущение угрозы безопасности СССР в условиях разрушающейся Ялтинско-Потсдамской системы. Всё это подрывало не только авторитет Горбачёва, но и престиж центральной союзной власти, которую он олицетворял.

Начало реформы политической системы к 1990 г. привело к общему снижению уровня управляемости. Передача властных функций от партийных структур к советским обернулась ослаблением централизованного влияния государства на экономику, политику, межнациональные отношения и социальные процессы. В то же время конституционная реформа не была завершена.

⁴⁸ Богомолов О.Т. Моя летопись переходного времени. М., 2000. С. 129.

⁴⁹ Ципко А.С. Папу надо благодарить, а не ссориться с ним // Независимая газета. 2001. 3 июля.

⁵⁰ Брутенц К.Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М., 2005. С. 427.

⁵¹ Шмелёв Н.П. Правительство должно пойти на уступки // Шмелёв Н.П. В поисках здравого смысла. Двадцать лет российских экономических реформ. С. 135.

⁵² См.: Уткин А.И. Измена генсека. Бегство из Европы. М., 2009. С. 71–72.

Если на союзном уровне новые учреждения (Съезд народных депутатов, Верховный совет) были сформированы, то местные – республиканские, областные, городские органы власти – предстояло избрать лишь к лету 1990 г. Современники констатировали повсеместную «эскалацию безнаказанности»⁵³. Одновременно приходило осознание необходимости создания политического института, который бы компенсировал утрату интеграционной функции КПСС.

В этих условиях в январе 1990 г. в окружении Горбачёва всё чаще стали задумываться о введении в СССР президентской системы. Представление о том, что Горбачёву «не хватает власти», было связано с растущей нелегитимностью партии в условиях разделения функций между КПСС и советами, когда вмешательство в конфликтные ситуации по партийной линии стало затруднительным и малоэффективным⁵⁴. Разрастание социальных и межнациональных столкновений ускорило принятие идеи президентства – не случайно её воплощение сопровождалось обсуждением необходимости введения чрезвычайного положения или прямого президентского правления в зонах нестабильности.

Учреждение поста президента СССР на III Съезде народных депутатов в марте 1990 г. произошло одновременно с изменением редакции ст. 6 Конституции, ранее закреплявшей руководящую роль КПСС. Оценивая случившееся, Горбачёв говорил: «Это же, товарищи, в буквальном смысле слова переворот, завершение, полное завершение изменения политической системы»⁵⁵. Действительно революционный смысл этого события состоял в том, что верховная государственная власть законодательно отделялась от партийной. Однако переворот был ещё далеко не полным, и Горбачёв явно преувеличивал его значение. Фактически ему удалось добиться лишь легитимизации собственной верховной власти, тогда как новая вертикаль исполнительной власти отсутствовала и не было разработано ни концепции, ни «президентской» системы управления страной. Поэтому по сравнению с такими реальными субъектами политики, как КПСС, Верховный совет, Съезд народных депутатов, институт президентства выглядел, по справедливому выражению В.Б. Кувалдина, «несколько бутафорским» и до конца существования СССР так и остался неустойчивой аппаратной структурой⁵⁶.

Между тем на том же III Съезде народных депутатов лидер компартии Казахстана Н.А. Назарбаев, поддержав учреждение нового поста, высказался за применение той же модели в союзных республиках. По словам Горбачёва, это «наполовину обесценивало все приобретения, которые мы связывали с повышением авторитета центральной власти»⁵⁷. Однако «процесс пошёл»: уже в марте институт президентства был введён в Узбекистане. «Как же это произошло? Без совета, консультаций, явочным порядком избирается президент в Узбекистане», – недоумевал Горбачёв, услышавший ответ от И.А. Керимова: «Так захотел народ»⁵⁸. Узбекского лидера поддержал Назарбаев: «Да, и у нас в Казахстане тоже народ говорит, а почему бы нам не иметь президента»⁵⁹.

⁵³ Собчак А.А. Указ. соч. С. 480.

⁵⁴ Клямкин И. Логика власти и логика оппозиции // Через тернии. С. 702.

⁵⁵ Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 482.

⁵⁶ Кувалдин В. Президентство в контексте российской трансформации // Россия политическая. М., 1998. С. 18–19.

⁵⁷ Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 485.

⁵⁸ Воронников В.И. А было это так... М., 1995. С. 367.

⁵⁹ Там же.

В итоге региональные элиты получили дополнительный мощный инструмент в борьбе за суверенитет, что объективно подталкивало центробежные процессы.

Возможности оппозиции в борьбе за власть во многом усиливались наличием в её рядах яркого харизматического лидера популистского толка. Превращению в 1989 г. Б.Н. Ельцина в политика общенационального масштаба способствовал ряд объективных и субъективных обстоятельств. Во-первых, он был фигурой первого эшелона, получившей в 1986–1987 гг. всесоюзную известность благодаря борьбе с брежневским наследием в Москве. Во-вторых, неясные обстоятельства отставки создали ему ореол мученика, пострадавшего от «партийных бюрократов». В-третьих, его звезда восходила по мере ухудшения социально-экономического положения, когда осознание необходимости перемен всё чаще связывалось со сменой лидера. В-четвёртых, в стране сформировались достаточно мощные силы, стремившиеся к радикализации преобразований и нуждавшиеся в лидере, представляющем их интересы⁶⁰. В-пятых, важную роль сыграли личностные качества самого Ельцина: мощнейшая интуиция, способность улавливать массовые настроения, умение находить общий язык с разной аудиторией. Все писавшие о нём отмечали колоссальное честолюбие и жажду власти, отодвигавшие на второй план идеологические привязанности. В 1989–1991 гг. эти черты обостряла личная неприязнь к руководителю КПСС. При этом Ельцин воспринимался как антипод Горбачёва, и рост его популярности был отражением падения авторитета президента СССР.

Судьба провозглашённых в 1985 г. реформ и Советского Союза во многом зависела от состояния КПСС, являвшейся ведущим элементом политической системы. К середине 1989 г. становилось очевидным, что сверхцентрализованная партия малопригодна для конкуренции с новыми динамичными общественными движениями и яркими неаппаратными лидерами. У некоторых складывалось впечатление, что партию «подставляют»: в силу исторических особенностей КПСС реформировать её можно было только «сверху». Но, по словам Л.А. О니кова, Горбачёв не только не занимался «разработкой концепции перестройки партии», но «даже пытался доказать её ненужность» и «сдерживал тех, кто настаивал на ней»⁶¹. В июле 1989 г. на совещании первых секретарей компартий союзных республик, крайкомов и обкомов генсек не без раздражения критиковал «это многолетнее иждивенчества»: «Некоторые выступающие неоднократно просили и даже требовали от Центрального комитета партии, от Политбюро... дайте концепцию перестройки партии, дайте концепцию перестройки организационной работы, дайте концепцию по другим вопросам». «У нас, – говорил он, – есть общая линия перестройки... Определено главное: социализм, интересы народа, демократия, гласность и партия. В остальном надо самостоятельно думать... и действовать самостоятельно». При этом «к самостоятельности Горбачёв призывал тех, кто полстолетия был вышколен на обязательном согласовании каждого самого робкого самостоятельного шага с курирующим завсектором или замзаворотделом ЦК, разучился самостоятельно предпринимать какие-либо шаги»⁶².

⁶⁰ См.: Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. М., 1996. С. 281–288.

⁶¹ Оников Л.А. КПСС: анатомия распада. М., 1996. С. 70.

⁶² Там же. С. 71.

В 1986–1991 гг. фактически сосуществовали два подхода к партии, которые можно условно назвать ликвидаторским и прагматичным. Первый исходил из того, что КПСС – хребет тоталитарной системы, а главные беды страны проистекали от засилья партийно-номенклатурного слоя, всевластие которого необходимо упразднить. При этом стимулировались обновленческие процессы за пределами КПСС, и партия становилась объектом справедливой критики за «нежелание» или «неумение» перестраиваться. Одновременно её руководство уклонялось от признания того факта, что КПСС уже не была союзом единомышленников: к началу 1990 г. помимо сторонников Горбачёва в ней имелись ещё три «платформы»: «демократическая», «марксистская» и «ортодоксальная» (выдвинутая группой «Единство – за ленинизм и коммунистические идеалы») ⁶³.

Всё это привело как к изменению роли КПСС в государстве, так и к значительным внутривнутрипартийным переменам, зафиксированным в июле 1990 г. на XXVIII съезде. Многие его делегаты открыто выражали неудовлетворённость работой ЦК. Особую озабоченность вызывала у них неопределённость идеологических основ партийной деятельности. Съезд заменил программу партии размытым «программным документом», призывавшим «к гуманному демократическому социализму» ⁶⁴. Радикально изменилась и организация КПСС. Было закреплено право отдельных коммунистов и групп выражать свои взгляды в платформах, что фактически превращало партию в своеобразный идеологический клуб и вело к её политическому «разрыхлению». Кроме этого Съезд установил по сути неограниченную самостоятельность компартий союзных республик. Имея общие с КПСС «программные принципы», они отныне могли разрабатывать собственные нормативные документы, по своему усмотрению решать политические, организационные, кадровые, издательские и финансово-хозяйственные вопросы, самостоятельно проводить линию партии в сфере государственного строительства, социально-экономического и культурного развития республик, осуществлять связи с другими, в том числе с зарубежными, общественными движениями. Как справедливо отмечал правовед Д.Л. Златопольский, «установление фактических федеративных отношений между коммунистическими партиями союзных республик стало одним из важнейших факторов, который, в конечном счёте, также привёл к отрицанию, а затем и к разрушению государственной федерации – Союза ССР» ⁶⁵.

К лету 1990 г. скептическое отношение Горбачёва к КПСС стало устойчивым. Показательно, что своему помощнику, советовавшему оставить пост в партии, он отвечал: «Знаешь, Толя, думаешь, не вижу... как стоворились все, уговаривают бросить генсекство. Но пойми: нельзя эту паршивую взбесившуюся собаку отпускать с поводка. Если я это сделаю, вся эта махина целиком будет против меня». Эти слова А.С. Черняев привёл в мемуарах и в 1993 г., и в 1998 г., во втором случае заменив «собаку» на «монстра» ⁶⁶.

Сторонники другого, «прагматичного», подхода к КПСС рассматривали партию не как «тоталитарную структуру», а как исторически сложившийся институт управления, как «партию власти», в которой коммунистов-фанати-

⁶³ История Коммунистической партии Советского Союза. М., 2013. С. 373.

⁶⁴ Материалы XXVIII съезда КПСС. М., 1990. С. 92–93.

⁶⁵ Златопольский Д.Л. Разрушение СССР. М., 1998. С. 24.

⁶⁶ Черняев А.С. Шесть лет с Горбачёвым. С. 356; он же. 1991 г. Дневник помощника Президента СССР. М., 1998. С. 326.

ков давно уже не было. «КПСС сегодня – действительно пока единственная общесоюзная сила, держащая в своих руках все общественные связи, – отмечал один из публицистов. – В мгновение ока оставить все рычаги управления, бросить на произвол все сложившиеся связи, сцепляющие нашу коллективную жизнь механизмы... – означает в наших условиях не демократический шаг, а дезертирство, которое непременно ввергнет страну в ещё больший хаос. Задача партии... не в том, чтобы немедленно исчезнуть с авансцены политической жизни... но постараться выйти из тупиковой ситуации организованно, согласованно, достойно»⁶⁷. Тем, кто разделял подобные представления, казалось, что исходя из роли и места партии в обществе, перестройку следует начинать прежде всего с демократизации партаппарата, затем демократизировать саму партию и, наконец, общество⁶⁸. Решающее звено демократизации КПСС они видели в ликвидации отчуждения коммунистов от партийной политики путём прямого включения активистов первичных организаций в работу райкомов и горкомов⁶⁹. При этом обосновывалась необходимость и возможность использования традиционных советских институтов для управления «без потрясений» социальными процессами при проведении достаточно радикальных преобразований. Подобные предложения, основанные на анализе мирового опыта, в частности, китайского, не были тайной для Горбачёва, но оказались невостребованными и всерьёз даже не обсуждались⁷⁰. Отказ от реформирования КПСС впоследствии считали ошибкой и боровшиеся против неё в 1989–1991 гг. «демократы».

Демократизация и гласность не могли не затронуть межнациональные отношения, однако их обострение оказалось неожиданным для инициаторов реформ. «Раньше считали, что все вопросы решены, ими можно особо и не заниматься. Ваш покорный слуга на первом этапе перестройки искренне полагал, что здесь больших проблем нет. Так уж мы были воспитаны», – признавался Горбачёв в апреле 1990 г.⁷¹ Поэтому, несмотря на «обновленческие» декларации, в своих действиях Горбачёв и его окружение руководствовались идеями, многие из которых уходили в 1920-е гг., допуская решение национального вопроса лишь в контексте социально-экономических и политических преобразований. Наличие у национализма собственной логики недооценивалось. А то, что политика в отношении разных народов и национально-государственных образований была основана на различных принципах, являлось причиной сохранения взрывоопасных противоречий. «Наш Союз настолько разносторонен, что придётся по-разному держать его разные части, – рассуждал генсек на заседании Политбюро 1 марта 1990 г., – одних – за ошейник, других – на коротком поводке, третьих – на длинном и т.д.»⁷².

В период перестройки такой «плюрализм» ярко проявился в отношении к прибалтийским республикам и к РСФСР. Национальные движения в Прибалтике изначально стремились к обретению независимости, настаивая на признании незаконности предвоенной «оккупации» и добываясь возможно больше-

⁶⁷ Водлазов Г.Г. Формулы консолидации // Через тернии. С. 738.

⁶⁸ Оников Л.А. Указ. соч. С. 71.

⁶⁹ Там же. С. 69.

⁷⁰ Там же. С. 74.

⁷¹ Союз можно было сохранить. Белая книга: Документы и факты о политике М.С. Горбачёва по реформированию и сохранению многонационального государства. М., 1995. С. 104.

⁷² Там же. С. 95.

го обособления в рамках Союза. Синхронность акций и широкая пропаганда схожих идей свидетельствовали о целенаправленности и скоординированности усилий прибалтийских «независимцев». В мае 1988 г. ассамблеи национальных сил Эстонии, Латвии и Литвы потребовали от руководства страны дать оценку событиям 1939 и 1940 гг., связанным с их присоединением к СССР. Тогда же в обиход вошёл термин «республиканский суверенитет», трактованный достаточно широко. В резолюции съезда движения «Саюдис», принятой в октябре 1988 г., говорилось что «суверенитет Литовской ССР должен охватывать управление всеми отраслями хозяйства, включая экономику, политику, формирование бюджета, финансовую, кредитную, торговую, налоговую и таможенную политику»⁷³. Осенью–зимой 1988 г. в Латвии, Эстонии и Литве местным языкам был придан статус государственных. В ноябре Верховный совет Эстонии принял «Декларацию о суверенитете» и дополнения к конституции, позволявшие в «определённых случаях» приостанавливать или ограничивать применение союзных нормативных актов. Так началась «война законов», опыт которой в 1990 г. был использован и в других регионах.

Воспользовавшись началом реформы политической системы СССР, прибалтийские депутаты вынесли свои требования на общесоюзную трибуну. При этом они открыто убеждали председателя Совета Союза Верховного совета СССР Е.М. Примакова в том, что в случае предоставления независимости Литва, Латвия и Эстония с пониманием отнесутся к военным проблемам Советского Союза и сохранят на своих территориях стоянки ВМФ, аэродромы, станции раннего предупреждения и сооружения ПВО⁷⁴. Новый Верховный совет СССР предоставил Латвии, Литве и Эстонии широкие экономические права⁷⁵. По настоянию их депутатов была создана парламентская комиссия, расследовавшая под руководством ближайшего соратника Горбачёва А.Н. Яковлева обстоятельства 1939–1940 гг. и занявшая «нужную» прибалтам позицию. Её подкрепление в декабре 1989 г. авторитетом резолюции II Съезда народных депутатов развязало руки «независимцам». К этому времени литовцам удалось «оторвать» местную партийную организацию от КПСС: состоявшийся 19–20 декабря 1989 г. XX съезд компартии Литвы объявил её независимой.

На выборах в местные органы власти зимой 1990 г. сторонники отделения доминировали абсолютно. 11 марта 1990 г. Верховный совет Литвы принял акт «О восстановлении независимого Литовского государства». Литовская ССР переименовывалась в Литовскую республику, на территории которой отменялось действие конституций Литовской ССР и СССР. Заменявший их временный Основной закон опирался на нормы конституции 1938 г. 30 марта Верховный совет ЭССР одобрил закон «О государственном статусе Эстонии», объявлявший о незаконности «оккупации» 1940 г. и дальнейшей власти СССР и провозглашавший начало восстановления Эстонской республики. 4 мая примеру соседей последовала Латвия, Верховный совет которой проголосовал за декларацию «О восстановлении независимости Латвийской республики». Таким образом, к середине 1990 г. прибалты, *со своей стороны*, вышли из СССР. Дальнейшая судьба «воссозданных стран» зависела от действий союзного руководства, а также ситуации в других республиках, прежде всего в России.

⁷³ Союз можно было сохранить... С. 39.

⁷⁴ *Примаков Е.М.* Годы в большой политике. М., 1999. С. 250.

⁷⁵ Союз можно было сохранить... С. 78.

Определённая часть столичной политической элиты разделяла представление об особом месте Прибалтики в СССР. В окружении Горбачёва были и те, кто считал, что Прибалтику «надо отпускать». Его позиция не была столь категоричной, но на деле вела к тому же исходу, поскольку он был убеждён, что без Союза прибалты не выживут: «Да куда они денутся? Перебесятся»⁷⁶. В 1987–1989 гг. в Москве «не замечали» антиконституционную деятельность прибалтийских «независимцев», которые разогревали антисоюзные и антирусские настроения по всей стране. По мере роста сепаратистских настроений Горбачёв всё чаще обнаруживал, что его доводы в пользу пребывания в Союзе упираются в глухую стену непонимания⁷⁷. Однако в апреле 1990 г., когда уже звучали предложения применить жёсткие, но законные меры⁷⁸, Горбачёв говорил, что «нельзя ремнём дать по “попе” Литве»⁷⁹. Между тем именно в Прибалтике была апробирована та модель дезинтеграции СССР, которую затем реализовали в 1991 г.

В отношении РСФСР и русских Горбачёв являлся продолжателем традиций партийной элиты, на протяжении нескольких поколений воспринимавшей «русскость» как синонимом «великодержавного шовинизма», с которым основатели советской государственности боролись особенно непримиримо. Как констатируют современные исследователи, «благодаря авторитету Ленина и значимости его высказываний, приобретающих для партии силу руководящих указаний, было положено начало целенаправленной политике игнорирования национальных интересов русских»⁸⁰. Возрождение России беспокоило Горбачёва, напоминавшего слова грузинского диссидента В. Чалидзе: «Демократия будет сопровождаться сепаратизмом, но русские не допустят сепаратизма, а значит, будут против демократии». «Это, конечно, примитивная точка зрения, – оговаривался генеральный секретарь, – но она находит отражение в действительности»⁸¹. Верный соратник Горбачёва В.А. Медведев предостерегал о «большой опасности» национально-патриотической идеологии, которая «исключает вестернизацию, может оттолкнуть прозападно настроенную интеллигенцию»⁸². Прогорбачёвские публицисты заявляли даже, что «призывы к защите интересов великого русского народа – показатель консервативности политического деятеля»⁸³. Подобная трактовка «русского вопроса» объясняет отсутствие реакции на открытую русофобию, с 1988–1989 гг. быстро нараставшую в союзных республиках.

Прагматически Горбачёв, вслед за Сталиным, понимал, что реальное равноправие России с другими союзными республиками лишит власти центральные структуры и его лично. Благодаря гигантскому весу РСФСР её лидер неизбежно превратился бы в главную политическую фигуру СССР. Поэтому в 1989 г. Горбачёв не раз осуждал «голубую мечту прибалтов» – сделать и Россию суверенной: «Восстановить авторитет – это да. Но не на путях суверенизации»⁸⁴.

⁷⁶ Там же. С. 54.

⁷⁷ Там же. С. 81–86.

⁷⁸ Там же. С. 98.

⁷⁹ Там же. С. 102.

⁸⁰ Что нужно знать о народах России. Справочник для государственных служащих / Отв ред. В.А. Михайлов. М., 1999. С. 69.

⁸¹ Цит. по: *Воротников В.И.* Было это так... С. 341.

⁸² Там же. С. 321.

⁸³ *Шушарин Д.* Заметки русского националиста // Ожог родного очага. М., 1990. С. 74.

⁸⁴ Союз можно было сохранить... С. 64.

«Идеологически мы должны обосновать российский феномен. Проблему регионального управления в России пока надо дать только постановочно», – заявлял он при обсуждении платформы ЦК по национальному вопросу. Поощряя суверенизаторские «изыски» в других республиках, Горбачёв настаивал на «сложившейся исторически» «интеграционной особенности» русских. Россия виделась ему «стержнем всей федерации», её осью, вокруг которой «всё в Союзе будет вращаться». К этому сводилась им её «специфика»⁸⁵. Общаясь со своим помощником, Горбачёв был откровеннее: «Если Россия поднимется, вот тогда и начнётся!» «“Железно” стоял против создания компартии РСФСР, против полного статуса России в качестве союзной республики, – вспоминал о своём “патроне” Черняев. – На Политбюро после отпуска (сентябрь 1989 г.) так прямо и сказал: “Тогда конец империи”»⁸⁶.

В результате Горбачёв и его окружение оказались не в состоянии предложить какой-либо вариант разрешения давнего исторического противоречия между союзным и российским уровнями власти. Растерянность высшего руководства проявилась и в том, что оно полностью уклонилось от создания новых политических структур РСФСР: ни партийные, ни советские органы власти союзного уровня не занимались ни подготовкой к выборам народных депутатов России, ни работой по образованию республиканской компартии⁸⁷. Ошибочность этого впоследствии признали и наиболее преданные сторонники Горбачёва. В результате весной 1990 г. движение за суверенитет объединило российских коммунистов и противостоявших им по всем линиям либералов.

Принятие 12 июня 1990 г. I Съездом народных депутатов РСФСР Декларации о суверенитете и избрание новых руководителей, готовых его отстаивать, создали уникальную в истории СССР ситуацию: впервые российская власть вышла из тени общесоюзной и появился альтернативный центр принятия решений. Однако если провозглашение суверенитета было делом относительно лёгким, то для проведения реформ радикалы не имели достаточных средств и административных возможностей: подавляющая часть предприятий в России подчинялась союзным ведомствам. Всё это предопределило политику лидеров РСФСР, вступивших в борьбу за овладение находящимися на её территории материальными, финансовыми и другими ресурсами. Как отмечал в сентябре 1991 г. Б.Н. Ельцин, около года между центром и республиками длилась «холодная война»⁸⁸.

Начало конфронтации между российскими и союзными структурами пришлось на период, когда в среде советской хозяйственно-управленческой элиты при значительном влиянии научного экономического сообщества сложилось представление о системе мер, необходимых для перехода к рыночным отношениям. В середине 1990 г. в окружении Н.И. Рыжкова были разработаны два варианта действий. Первый («Основные направления») связывали с именем заместителя председателя Совета министров СССР академика Л.И. Абалкина, отвечавшего за подготовку экономической реформы. Авторами второго («500 дней») были академик С.С. Шаталин и Г.А. Явлинский. Последний длительное время работал в «абалкинской» комиссии, и не случайно специалисты отмечали совпадение базовых положений обеих программ. Различия касались

⁸⁵ Там же. С. 69.

⁸⁶ Черняев А.С. Шесть лет с Горбачёвым. С. 297.

⁸⁷ Воронников В.И. Указ. соч. С. 317, 320, 338, 354 и др.

⁸⁸ Андриянов В., Черняк А. Одинокий царь в Кремле. М., 1999. С. 378.

двух моментов: Шаталин и Явлинский намечали проведение реформы при заключении лишь экономического союза между республиками и не придавали решающего значения подписанию политического договора. Основными субъектами государственного регулирования, согласно их плану, являлись «суверенные государства» (союзные республики), предусматривалось верховенство их законодательства. При этом главные шаги к рынку предлагалось сделать за 500 дней, что отражало господствовавшее в обществе настроение нетерпения. Разработчики же «Основных направлений» считали, что переход к рынку займёт 6–8 лет и руководить им должны союзные органы власти. И то, и другое не устраивало руководство РСФСР, взявшее на вооружение план «500 дней». Расхождения программ стали изображаться как непреодолимые. Таким образом, выход из социально-экономического кризиса блокировался кризисом государственной субъектности.

Судьба преобразований 1985–1991 гг. неотделима от личности М.С. Горбачёва. В соответствии с традициями, восходящими к 1930-м гг., он был уверен в своей способности контролировать протекающие в обществе процессы и в своём праве определять основные направления преобразований. Политико-центричный тип мышления наложил серьёзный отпечаток на осмысление социально-экономических проблем, острота которых объективно требовала большего внимания. В то же время, иницилируя процессы демократизации и неограниченной гласности, Горбачёв существенно сужал возможности верховной власти корректировать неизбежные просчёты своих действий: критика ослабляла его личный авторитет и открывала возможности для выдвижения альтернативных фигур. Сознательный отказ использовать реформированный институт «партии-государства» также подрывал его позиции и дестабилизировал систему управления в СССР. Создание же альтернативы ему не было продумано. Особенно негативно монополия верховной власти на принятие важнейших решений проявилась в сфере союзно-федеративных отношений и национальной политики. Именно здесь допущенные просчёты, прежде всего на российском направлении, сыграли роковую роль, предопределив как провал самой перестройки, так и судьбу СССР.

В истории преобразований 1985–1991 гг. можно выделить две критические точки: осень 1986 г., когда было принято решение о преобразовании прежде всего государственных, политических и идеологических институтов, и весна 1990 г., в течение которой формировалось российское движение за суверенитет и определялось, кто его возглавит. Невнимание союзных структур к этой проблеме привело к тому, что при неустойчивости общественных настроений маятник качнулся в сторону радикалов, перехвативших инициативу в 1990–1991 гг.